

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'38'42+929Шмелева

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>**В. В. Дементьев**
Саратов, Россия**Vadim V. Demytyev**
Saratov, Russia**«Анкета речевого жанра» Т. В. Шмелёвой:
прошлое, настоящее, будущее
(к 30-летию жанроведческой модели)****“Questionnaire of a Speech Genre”
of T. V. Shmeleva: Past, Present, Future
(for the 30th Anniversary of the Genre Model)**

Статья посвящена научной судьбе главной жанроведческой модели – «анкеты речевого жанра» Т. В. Шмелёвой. Обсуждаются причины большой востребованности «анкеты» в жанроведческих исследованиях: параметры «анкеты» затрагивают важнейшие аспекты, «болевы́е точки» жанра; формальная простота и непротиворечивость «анкеты». Наряду с достоинствами и достижениями (в статье дается их краткая характеристика), показана критика в адрес «анкеты»: недостаточность пунктов «анкеты» (не отражаются противопоставление первичных и вторичных РЖ, прямых и косвенных РЖ, речевых и риторических, культурологические характеристики РЖ и т. п.) и необщепризнанная расстановка акцентов, т. е. ранжирование пунктов «анкеты».

Обсуждаются применительно к современному жанроведению те пункты, которые или должны быть, или могут быть, или уже по факту добавлены в «анкету», а также теоретическое обоснование их отношений, что, по мнению автора статьи, позволит уточнить и некоторые другие пункты «анкеты». Акцент делается именно на тех пунктах, которые меньше прописаны в «канонической» «анкете», но которые должны быть использованы для более адекватного исследования жанров (особенно новых), и уже реально используются. В частности, подробно обсуждаются пункты: типологические, в том числе стадияльно-типологические и историко-этимологические, характеристики РЖ; определение места жанра в структурно-иерархической типологии; культурологические и лингвокультурологические характеристики РЖ; характеристики коммуникативного концепта, через который представляется и осмысливается жанр и его компоненты; способность жанра образовывать варианты; корпусные и количественные характеристики РЖ; интернет-жанры.

Ключевые слова: Т. В. Шмелёва, анкета речевого жанра, типологические, структурно-иерархические, культурологические, корпусные характеристики РЖ, коммуникативные концепты, интернет-жанры.

The article reflects the scientific fate of the main genre model – the “questionnaire of the speech genre” of T. V. Shmeleva. The author discusses the reasons for the high demand for the “questionnaire” in genre studies: the parameters of the “questionnaire” affect the most important aspects, the “pain points” of the genre; the formal simplicity and consistency of the “questionnaire”. Along with the advantages and achievements (the article gives their brief description), the author points to a few critical issues concerning the “questionnaire”: the lack of items of the “questionnaire” (the juxtaposition of primary and secondary speech genres, direct and indirect speech genres, speech and rhetorical genres, cultural characteristics of speech genres, etc. are not presented in it) and its crucial points which are not commonly recognized, i.e. the ranking points of the “questionnaire”.

In relation to modern genre studies, the article deals with the items that either should be or can be, or have already been added to the “questionnaire”, as well as the theoretical justification of their relations, which, according to the author of the article, will allow to clarify some other items of the “questionnaire”. The emphasis is on those points that are less spelled out in the “canonical” “questionnaire”, but that should be used for a more adequate study of genres (especially new ones), and are already actually used. The discussion focuses on the following points: typological, including the stadial-typological and historical-etymological, features of speech genres; determination of the place of the genre in the structural-hierarchical typology; cultural, linguistic and linguocultural characteristics of speech genres; characteristics of the communicative concept, through which the genre is presented and interpreted, and its components; the ability of the genre to form its variants; corpus and quantitative characteristics of speech genre; online genres.

Keywords: T. V. Shmeleva, speech genre questionnaire, typological, structural-hierarchical, cultural, corpus characteristics of speech genre, communicative concepts, Internet genres.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

About the author: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: dementevvv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Введение

В 2020 г. исполняется 30 лет «анкете речевого жанра» Т. В. Шмелёвой (далее – АШ) [1, 2]¹. АШ стала одной из значительнейших теоретических и методических жанроведческих моделей, значительнейшим событием не только раннего этапа российского (советского) жанроведения, но и жанроведения в целом. АШ стала и наиболее востребованной жанроведческой методикой: осуществленные по ней исследования речевых жанров, включая кандидатские и даже докторские диссертации, исчисляются сотнями, если не тысячами. Эти исследования относятся тоже далеко не только к раннему этапу жанроведения: сейчас они осуществляются не менее, а более активно, чем в 1990-е (немало таких исследований опубликовано и в журнале / сборнике «Жанры речи»).

АШ использовалась в концептуальных теоретических работах по ТРЖ (как сама по себе, так и в сопоставлении с другими моделями), по типологии РЖ (АШ дает для этого богатые и разнообразные возможности), при исследовании конкретных жанров и групп и сфер жанров: разговорных, публицистических, научных, официально-деловых, рекламных религиозных, этикетных и т. д. и т. п., причем кроме АШ в данных исследованиях часто использовались (в качестве дополнительных или основных) другие модели и методы, вступающие с АШ в интересные отношения (например, методы стилистического, риторического, прагматического, культурологического анализа, анализа художественного текста, квантитативные, корпусные методы). Причем данные исследования настолько многочисленны и многообразны, что мы не беремся дать объективный обзор, хотя понимаем его важность и нужность (на будущее: была бы хорошая тема чьей-нибудь докторской диссертации).

Содержание АШ хорошо известно, пожалуй, всем жанроведам, даже начинающим и занимающимся наиболее специфическими сферами речевого общения. Залогом большей востребованности «анкеты» стало то, что ей удалось «ухватить самое главное», параметры АШ затрагивают главные «болевы точки» жанра. Немаловажны также формальная простота и непротиворечивость АШ.

АШ включает семь пунктов, или «жанрообразующих признаков», необходимых и достаточных, по мнению исследовательницы, для опознания, характеристики, конструирования РЖ: «коммуникативная цель жанра», «концепция автора», «концепция адресата», «событийное содержание», «фактор коммуникативного прошлого», «фактор коммуникативного будущего», «языковое воплощение».

В качестве главнейшего из конститутивных признаков РЖ Т. В. Шмелёва выделяет **коммуникативную цель**.

На этом основании противопоставляются четыре типа РЖ:

- **информативные** – цель которых – различные операции с информацией: ее предъявление или запрос, подтверждение или опровержение;
- **императивные** – цель которых – вызвать осуществление/неосуществление событий, необходимых, желательных, опасных для кого-то из участников общения;
- **этикетные** (в других работах Т. В. Шмелёвой – «перформативные» – В. Д.) – цель которых – осуществление особого события, поступка в социальной сфере, предусмотренного этикетом данного социума: извинения, благодарности, поздравления, соболезнования, и т. д. вплоть до отречения от престола;
- **оценочные** – цель которых – изменить самочувствие участников общения, соотнося их поступки, качества и все другие манифестации с принятой в данном обществе шкалой ценностей [2: 91–92].

«Актуальность различения этих четырех типов РЖ подтверждается тем, – пишет Т. В. Шмелёва, – что для некоторых из них языком выработаны особые грамматические формы, например, императив, интонационные показатели. Если учесть и разнообразные лексические показатели жанров, а также систему

¹Хотя настоящая статья посвящается выходу в 1990 году АШ в виде первой публикации, наиболее четко идеи АШ были сформулированы Т. В. Шмелёвой несколько позже в статье 1997 г. в «Жанрах речи» (эта публикация является и самой цитируемой (это признаёт и сама Т. В. Шмелёва)); поэтому в дальнейшем, пересказывая пункты АШ и т. д., мы ссылаемся именно на публикацию [2].

их наименований, составляющих целый словарь, то окажется, что на службу языковому воплощению РЖ привлечен огромный массив разнообразных языковых средств. <...>

Из информативных РЖ особого лингвистического внимания удостоены вопросы, классификация которых учитывает множество тончайших различий, которые нуждаются в осмыслении в рамках теории речевого жанра. В целом информативные жанры составляют основную базу лингвистического анализа.

Этикетные жанры оказались в центре лингвистического внимания с открытием перформативов как особого класса речевых актов, в отечественной традиции этикетные РЖ описываются в литературе, посвященной речевому этикету.

Оценочные РЖ изучены в наименьшей степени, хотя весьма подробно описано проявление оценочной семантики в разных типах предложений с помощью различных языковых средств (Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова) [Там же: 92–93].

«**Образ автора**», согласно Т. В. Шмелёвой, – информация о нем как об участнике общения, которая «заложена» в типовой проект РЖ, обеспечивая ему успешное осуществление. Данный параметр принимает активное участие в организации и противопоставленности друг другу всех четырех выделяемых Т. В. Шмелёвой типов РЖ:

«Может быть, наиболее чувствительны к этому параметру императивные РЖ, которые дифференцируются прежде всего на этом основании: *приказ* предполагает автора с определенными *полномочиями*, вопрос адресата «*Кто ты такой, чтобы мне приказывать?*» означает непризнание таких полномочий, что равносильно провалу жанра; *просьба* предполагает *заинтересованность* автора в исполнении обсуждаемого действия; *поучение* – *старшинство* автора по отношению к адресату или его превосходство в другом отношении; *жалоба* включает в свой типовой проект образ автора *пострадавшего*. <...> Для образа автора РЖ едва ли не на первом месте стоят его отношения с адресатом, это, так сказать, “портрет на фоне”» [Там же: 93–94].

Третий жанрообразующий признак – «**образ адресата**». Он точно так же активно участвует в противопоставлении друг другу четырех типов РЖ:

«Среди императивных РЖ основную массу составляют жанры с адресатом *исполнителем*, то вынужденным принимать такую роль (*приказ*), то принимающим ее в своих интересах (*совет*); *жалоба* <...> представлена разновидностями, различающимися образом адресата – конфиденца или уполномоченного “принимать меры”. При несовпадении представлений адресата о своей роли в данном эпизоде общения с образом адресата предъявляемого ему жанра появляются реплики типа “*Я тебе не тотто, чтобы мне указывать / командовать / советовать и т. п.*”» [Там же: 94].

«**Образ прошлого**» и «**образ будущего**» – два симметричных признака, «связанных с местом каждого РЖ в цепи речевого общения, которое представляет собой не хаотический поток словесных извержений, а разыгрывается по вполне определенному сценарию» [Там же: 94]. Важно, что признаки «образ прошлого» и «образ будущего» охватывают не только многообразные ситуативные факторы,

более или менее непосредственно предшествующие данному высказыванию либо следующие за ним («правый» и «левый контекст»), но и собственно разные речевые жанры: «Образ прошлого различает РЖ инициальные, начинающие общение, и такие, которые могут появиться только после определенных РЖ – таковы *ответ, отказ, согласие, опровержение* и ряд других, для которых предлагалось наименование “реактивные”: все они являются реакциями на другие жанры. Образ будущего предполагает дальнейшее развитие речевых событий, воплощающееся в появлении других РЖ» [Там же: 94].

Следует отметить, что в традиции, идущей за речеактовым (иллокутивным) анализом – и в значительной степени идущей за Бахтиным – речь, в том числе речевые жанры, рассматривается прежде всего с точки зрения «что́ хотел сказать говорящий, а также «что́ воспринял слушающий, но не «о чем» была речь. Этот «прагматический» крен современного речеведения исправляет следующий пункт «анкеты речевого жанра» Т. В. Шмелёвой – тип **диктумного (событийного) содержания**

«С одной стороны, принято показывать, что одно и то же диктумное содержание может быть представлено в речи в различной “жанровой оправе”: в результате императивного жанра “*Поздравь бабушку с днем рождения!*” должен быть осуществлен этикетный жанр “*Дорогая бабушка! Поздравляю тебя...*”, чтобы потом дать повод для появления информативного жанра “*Я поздравил бабушку*”, который, в свою очередь, может вызвать к жизни оценочный “*Хорошо, что ты успел поздравить бабушку. Молодец!*” – все эти жанры имеют одно и то же диктумное содержание – пропозицию поздравления. С другой стороны, нельзя не заметить, что РЖ отнюдь не безразличны к характеру диктума; выявляется целая серия признаков не собственно диктумной природы, но важных для отбора диктумной информации при формировании того или иного РЖ. Важен характер актантов диктумного события, так, среди императивных РЖ выделяется *пожелание*, поскольку предъявляемое в нем событие может быть осуществлено с помощью разных исполнителей – вплоть до высших сил, остальные императивные РЖ предполагают, что исполнитель прескриптивного события – человек. Не менее важны отношения актантов и участников речи: *жалоба* отличается от *сетования* тем, что первая предполагает включенность события в личную сферу автора, а вторая такого условия не содержит. Весьма существенна временная перспектива диктума, различающая среди информативных нарративных РЖ *воспоминание* и *прогноз* как жанры с совершенной и футуральной перспективой диктума. Но, пожалуй, наиболее сильным селективным действием обладает оценка диктумного события, противопоставляющая императивные РЖ *просьбы* и *предостережения, разрешения* и *запрета*; отрицательная оценочность события обязательна для РЖ *жалобы, упрёка, сетования* и многих других» [Там же: 95].

Наконец, последний параметр «анкеты речевого жанра» Т. В. Шмелёвой – непосредственное **языковое воплощение** РЖ:

«Для модели РЖ его языковое воплощение важно увидеть как спектр возможностей, лексиче-

ских и грамматических ресурсов жанра. В этом спектре можно обозначить некоторые полюсы: клишированность / индивидуальность, минимальность / максимальность словесного выражения. В первом отношении различаются стереотипные воплощения РЖ, например стереотипы городского общения или документы деловой сферы. Во втором аспекте РЖ обладает целой шкалой эксплицитности – от имплицитного проявления (согласие = кивок) до словесного выражения всех моментов, включая пресуппозитивные, ср.: *Пригласите к телефону Андрея и Поскольку телефон в соседнем с вами кабинете не работает, а мне крайне необходимо поговорить с вашим коллегой Андреем, прошу вас: пригласите его к телефону, пожалуйста, если это вам не очень трудно, будьте так добры.* Для характеристики языкового воплощения РЖ важно участие в оформлении метакомпонента с обозначением жанра: ср. *Поздравляю с Рождеством и С Рождеством!; Предлагаю вам выпить чаю и Пожалуйста, чайку; В ответ на ваш запрос сообщаем, что нужными вам данными не располагаем и Нужными вам данными не располагаем* [Там же: 96].

Наличие данного параметра «анкеты речевого жанра» и те перспективы исследования данного параметра, о которых говорит Т. В. Шмелёва, позволяет надеяться на то, что возможно описание речевых жанров в разработанной лингвистической терминологии, с учетом многочисленных накопленных как в лингвистике речи, так и в «традиционной» лингвистике данных.

Такая удачность содержания и формы АШ не означает, конечно, что нельзя и не нужно улучшать и уточнять модель, частично или даже значительно менять ее параметры. Особенно это касается специфических сфер речевого общения, отличающихся (иногда – сильно) от сферы непосредственного устного общения, для жанров которой преимущественно разрабатывалась АШ. Например, значительная модификация требуется при исследовании интернет-жанров (см. ниже). Пожалуй, еще более яркий пример – известная школа изучения жанров естественной письменной речи (ЕПР) Н. Б. Лебедевой.

Так, при работе с *жанрами естественной письменной речи* Н. Б. Лебедева (основательница Лаборатории русской речи Барнаульского педагогического университета), которая в целом шла в русле «анкеты РЖ», должна была значительно изменить данную модель. В конечном счете Н. Б. Лебедева предлагает и – что важно – апробирует на обширном речевом материале оригинальную **коммуникативно-семиотическую модель** (КСМ) жанров ЕПР, которая лишь отчасти перекликается с моделью Шмелёвой.

Специфика КСМ отражает ее назначение – быть средством описания именно жанров естественной письменной речи. Ее структура близка к фреймовой структуре типа ситуатемы (ситуатема глагола «писать»). Она имеет цель учесть максимальное число субстанциональных участников и несубстанциональных компонентов, объединяемых в категорию «фациента», конституирующих ЕПР, и параметры

(функциональные признаки) фациентов. В нашем понимании, категория фациента довольно широка и включает, наряду с субстанциональными участниками (центральные из которых – актанты), и другие компоненты, имеющие функцию фактора. Модель конституируют следующие фациенты: 1) Автор («Кто?»); 2) Коммуникативно-целевой фациент («Зачем?»); 3) Адресат («Кому?»); 4) Объект коммуникации – Знак («Что?»); включающий диктумное содержание и языковое воплощение; 5) Графико-пространственный параметр («Как?»); 6) Орудие-средство («Чем?»); 7) Субстрат, материальный носитель знака («На чем?»); 8) Носитель субстрата («В чем?»); 9) Среда («Где?»); 10) Время восприятия знака («Когда?»); 11) Фациент «Ход коммуникации»; 12) Фациент «Социальная оценка» [3, 4].

Коммуникативно-семиотическая модель является ядренным компонентом поэтапной *методической процедуры жанровой квалификации текстов естественной письменной русской речи* [4: 59–61]:

0. Первичная формулировка – дефинирование жанра по данным словарей либо на основе исследовательской интуиции, показаниям информантов.

1. Определение выделенности и устойчивости данного типа текста в речевой действительности, отраженной в языковом (жанровом) сознании носителей языка. Выделенность и устойчивость речевого жанра в реальной действительности определяется его частотностью, встречаемостью в речевой практике. Выделенность речевого жанра в обыденном языковом сознании определяется по ряду оснований:

- наличие у речевого жанра специального наименования в повседневной речи и обыденном метаязыковом сознании;
- проявленность речевого жанра в метажанровой рефлексии при использовании метода лингвистического эксперимента (опроса, анкетирования), нередко применяемого при исследовании жанров естественной письменной русской речи;
- обнаружение некоторой информации о речевом жанре в интернет-ресурсах.

2. Анализ текста по коммуникативно-семиотической модели, разработанной для описания жанров естественной письменной русской речи [Там же: 55]. В результате подобного описания выделяется набор признаков каждого конкретного текста.

3. Выстраивание жанровых признаков в доминантно-детерминантные цепочки для выявления причинно-следственных отношений между данными признаками и выделения доминант речевого жанра. Так, для жанров электронно-опосредованной коммуникации доминантным признаком оказывается характер субстрата.

4. Выделение жанворелевантных (жанрообразующих) и жанворенерелевантных свойств жанра, среди последних – частотные и малочастотные. Данный этап завершается моделированием признаковой структуры жанра по полювому принципу: установлением ядерных, окооядерных и периферийных признаков.

5. Описание внутрижанровой структуры: определение вариантов и вариаций речевого жанра.

6. Установление места речевого жанра в жанровом пространстве, в кругу смежных явлений –

близких по некоему признаку или ряду признаков жанров. Разграничение жанров осуществляется посредством ядерных и околюдерных признаков, сопряжение – посредством признаков периферийных, которые накладываются друг на друга, что ведет к возникновению жанроидов.

7. Конструирование расширенной, многоаспектной дефиниции исследуемого жанра, включающей все основные признаки, выделенные в результате поэтапной методики жанровой квалификации текстов.

Как видим, основные параметры (фациенты) «коммуникативно-семиотической модели» совпадают с жанрообразующими признаками «анкеты речевого жанра» Т. В. Шмелёвой: Целевой компонент (Зачем?), Субъект (Кто?), Адресат (Кому?), Содержание и Языковое воплощение (Что?). Но есть и серьезные отличия: «<...> в КСМ, ориентированной на описание жанров естественной письменной речи, выделены материальные элементы как релевантные для этого вида речевой деятельности жанрообразующие признаки. Материальные элементы в ЕПР не только более значимы, чем в канонизированных разновидностях письменной-речевой деятельности, но подчас их неразрывная слиянность с содержанием в ЕПР может детерминировать жанрообразующую функцию, например, в граффити, книге жалоб и предложений, поздравительной открытке и пр.» [3: 118–119; 4: 59–61; 5: 34–36].

Модификация, которой была подвергнута АШ школой Н. Б. Лебедевой, показательна: если интернет-жанров в то время, когда разрабатывалась АШ, не существовало, то жанры ЕПР не только существовали, но и были явлением заметным, при этом их жанровая стандартизация была очевидна, хотя еще далеко не достаточно осмыслена.

В целом критика, объектом которой за 30 лет неоднократно становилась АШ, была многообразна и, конечно, интересна. Ее, как часто бывает, можно разделить на конструктивную и неконструктивную, доброжелательную и недоброжелательную.

Уже в первые годы после 1990-го высказывались доброжелательные замечания от дружественных исследователей, в результате критика иногда была не столько мягкой, сколько недостаточной.

Так, по мнению М. Ю. Федосюка, для модели Т. В. Шмелёвой характерен «крен» в сторону говорящего: параметры анкеты РЖ «представляют собой не некие объективные <...> характеристики высказывания, его места в процессе общения, а также участников этого общения, а зафиксированную в данном высказывании оценку всех упомянутых параметров говорящим» [6: 107]. К сожалению, этого же недостатка не избежал и сам М. Ю. Федосюк, утверждающий, что не являются речевыми жанрами *похвальба* и *лесть*, представляющие собой неблагоприятные интенции, в совершении которых не может признаться говорящий [Там же: 112], а также *комплимент* [Там же: 113]. Однако и *похвальба*, и *комплимент*, и *лесть* воспринимаются как

существующие жанры (типические ситуации общения) – с точки зрения слушающего, на что указывает О. Б. Сиротинина: «речевой жанр сложился <...> в реальном восприятии бытового общения, прежде всего с точки зрения получателя речи» [7: 27].

Тогда же появились первые негативные суждения скорее деструктивного характера: подвергались сомнению как пункты АШ, так и сама правомерность параметрического подхода к речевым жанрам, компонентного анализа их (а АШ безусловно является разновидностью компонентного анализа) (например, сторонниками традиционного филологического подхода); с другой стороны, сторонники формального подхода находили АШ недостаточно формализованной и точной (отсутствие специализированного формального метаязыка неиспользование или недостаточное использование статистических и количественных методик). Иными словами, сторонники традиционного общепилологического описания критиковали АШ за сам факт, что вместо такого описания предлагалось описание по параметрам (это общее отношение общепилологического анализа к анализу компонентному), сторонники формального подхода – за недостаточную формализованность.

Если говорить только о конструктивной критике (конструктивной на наш взгляд), то преимущественно критиковались, прежде всего, две вещи: 1) недостаточность пунктов АШ (особенно регулярно высказывалось недовольство тем, что не отражаются такие характеристики, как противопоставление первичных и вторичных РЖ (которое относил к важнейшим характеристикам РЖ еще Бахтин), прямых и косвенных РЖ, речевых и риторических, культурологические характеристики РЖ и т. п.) и 2) «неверная», точнее, необщепризнанная расстановка акцентов, т. е. установление степени их важности, ранжирование.

Следует подчеркнуть, что отсутствие противопоставления первичных и вторичных РЖ есть не что иное, как отсутствие историчности. Критика с этой стороны «анкеты речевого жанра» Т. В. Шмелёвой, включающей лишь параметр «языковое воплощение РЖ», в определенном смысле совпадает с критическим замечанием Ю. М. Лотмана в адрес «семиотической модели языка» Р. Якобсона (согласно этой модели, язык тождествен «коду»). Мнение Ю. М. Лотмана таково, что язык – это код плюс его история: «Фактически подмена термина «язык» термином «код» совсем не так безопасна, как кажется. Термин «код» несет представление о структуре, только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью. Код не подразумевает истории, т. е. психологически он ориентирует нас на искусственный язык, который и предполагается идеальной моделью языка вообще» [8: 13]. Изучение одного только «языкового воплощения РЖ» в современной речи без учета исторического фактора

значительно обеднило бы понимание РЖ, поскольку такое изучение по сути ориентировано на искусственный язык, идеальную модель языка.

*

Анализируя и состояние общей речевой картины современности (где появились новые жанры), и состояние современного жанроведения «жанроведческой картины» (появились новые направления и тенденции; кроме того, новые направления и тенденции появились в других науках, с которыми взаимодействует ТРЖ: лингвистике, литературоведении, теории журналистики (медиа), информатике, наукометрии), опираясь и на собственный опыт анализа речевых жанров (в том числе новых), и на огромный опыт коллег-жанроведов (многие из которых опирались на АШ прямо), мы предлагаем обсудить те пункты, которые, по нашему мнению, или должны быть, или могут быть, или уже по факту добавлены в АШ

Кроме самих пунктов будет дано (по крайней мере, попытаемся дать) теоретическое обоснование их связей и отношений, которое, если удастся, позволит уточнить и некоторые пункты АШ, которые мы не затрагиваем.

1. Главное, добавляются **типологические** характеристики, в том числе **стадиально-типологические**.

1.1. Это определение места данного жанра в типологии РЖ – прежде всего, **типологии иллокутивно-целевой**. Еще Т. В. Шмелёва, характеризуя «пункт № 1» АШ – иллокутивную цель, – тем самым фактически определяет место РЖ в пятичленной классификации (см. выше). Классификация эта, впрочем, является не общепринятой среди жанроведов; но это единственная возможная претензия к автору с этой стороны, причем, конечно, не принципиальная (субъективная).

Данная характеристика жанра дается через определение его отношений с ближайшими, смежными жанрами в типологии (желательно уже хорошо рассмотренными в науке, во всяком случае, лучше, чем характеризуемый жанр, тем самым проясняется и он), где очень важными являются отношения с ближайшими жанрами в **историческом плане**, т. е. какие жанры по отношению к нему являются первичными (если такие есть), а какие являются, так сказать, рядоположенно вторичными, имея одних и тех же предшественников. В том случае, если такие исторические связи имеют значение для жанра (прежде всего, если рассматриваемый жанр – вторичный РЖ по Бахтину, риторический по О. Б. Сиротининой, «жанр риторического верха» по К. Ф. Седову и подоб.), они должны быть тщательно проанализированы, а результаты – включены в «портрет жанра». Особенно ценным

материалом в этом плане являются сохранившиеся текстовые документы прошлых эпох, относящиеся как непосредственно к рассматриваемому жанру (см., например, наши исследования *послания потомкам в капсуле времени* 1960-х гг., рубрики «Послания» в саратовской газете бесплатных объявлений «Кому что» начала 1990-х гг. [9; 10], *кустарных открыток* 1950-х гг. Б. Ю. Нормана [11]), так и к жанрам «родственным» (в разных отношениях). В целом рассмотрение данных межжанровых и интертекстуальных связей проливает свет на очень важный для жанра «*стиль РЖ*» по Бахтину, представляющий собой речевую (иногда языковую) концептуализацию формы экспрессии высказываний.

1.2. Не менее важным является определение места данного жанра в **типологии структурно-иерархической**, а именно: определение его как жанра структурно сложного, включающего в свой состав набор простых жанров (субжанров, речевых актов, внутрижанровых стратегий), или простого. В том случае, если для жанра имеют значение единицы меньших уровней абстракции, входящие в его структуру (прежде всего, если рассматриваемый жанр – структурно-иерархически сложный РЖ), то все они должны быть тщательно проанализированы, а результаты – включены в «портрет жанра». В целом рассмотрение данных единиц меньших уровней абстракции, входящих в структуру рассматриваемого жанра, и их последовательности проливает свет на очень важную для жанра «*композицию РЖ*» по Бахтину.

1.3. Типологически значимыми являются и **культурологические** и **лингвокультурологические** характеристики рассматриваемого жанра: его место в национальной культуре, соответствие или несоответствие базовым культурным сценариям, системам ценностей (особенно *речежанровым ценностям* – [12]), конкретным (часто зафиксированным в языке) оценочным шкалам. Понятно, что самое большое несоответствие традиционным культурным сценариям имеет место в случае заимствованных жанров, особенно когда процесс адаптации еще не завершен (ср. жанр *светской беседы* в XVIII–XIX вв.). Для изучения этих вещей много дает представление жанра в языке и речи: в языке – отражение данного жанра в лексической семантике данного национального языка (особенно важны, конечно, оценочные лексемы, образные и когнитивные метафоры), идиоматике, фразеологии, паремологии, прецедентных текстах; в речи – отражение данного жанра в национальной литературе, а также философии, публицистике,

обыгрывание в юмористических текстах, рекламе, телешоу и т. п.

Сюда же примыкает (возможно, должно быть названо в качестве самостоятельного параметра) отображение жанра в жанрово-ролевых сценках (плюс каких именно, кем, сколько).

2. С позиций когнитивной генристики значимыми являются характеристики *коммуникативного концепта* (далее – K_{omK}), через который представляется и осмысливается жанр: имена жанров и жанровых компонентов (ср. лексические и отчасти лексико-грамматические *цепочки речежанровой системности*), понятийный, образный, ценностный компоненты концепта (ценностный – в связи с культурными речежанровыми ценностями / оценочными шкалами; метафоры рассматриваются в связи с образным компонентом соответствующего коммуникативного концепта), ассоциативный [13, 14].

Когнитивная генристика исходит из того, что (1) структуры высшего порядка, упорядочивающие вместе с жанрами речи другие коммуникативные единицы, суть *коммуникативные концепты* (далее – K_{omK}): данные структуры и упорядочение существуют в сознании носителей языка; при этом (2) как и для всех концептов, для коммуникативных концептов очень большое значение имеют лексемы – имена для них и для их компонентов. Данные лексемы упорядочены по стандартной схеме, которая рассматривается как *цепочка речежанровой системности* и анализируется по ряду параметров, значимых как прагматически (иллокутивно), так и лексикологически и отчасти грамматически.

K_{omK} – это концепты, имеющие четкое композиционно-тематически-стилистическое содержание, при этом зафиксированные в языке имена данных концептов являются или непосредственно именами речевых жанров, или их компонентов (стратегий, тактик и т. д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры.

K_{omK} составляет цепочка речежанровой системности «действие / акт ~ процесс / манера ~ роль / тип ~ тональность ~ жанр».

Ее лексическое наполнение характеризуется однородностью и относительной системностью: данные лексемы называют речевые единицы одного уровня, объединенные одной содержательной, в плане коммуникативно-речевой организации, речежанровой доминантой (а не единицы разных уровней, такие как, например, «жанр ~ стратегия»).

Ср.: есть РЖ *вопрос* ~ есть речевое действие *спросить / спрашивать, задать вопрос* и подоб. ~ есть вопросительная коммуникативная тональность (здесь лексему подобрать труднее, но возможны и естественны описания в рефлексии / метавысказываниях: *с вопросительной интонацией, как бы вопрошая...*).

Еще один пример: действия *иронизировать / сыронизировать* ~ тональность (ее именуют, по всей видимости, наречия) *иронично / иронически...* ~ жанр

(здесь сложности возникают как раз с заполнением жанра: *?ироническое высказывание...*, но жанр ли это? Возможно, правильнее говорить просто: *ирония?* (ср.: [15])).

Можно добавить лексемы, именующие коммуникативную роль / типаж, организованные тоже этим жанром: для иронии это *ироник* (словари дают этот термин, хотя он не относится к распространённым и употребительным в речи), совсем трудно – для вопроса: *?спрашивающий, ?(профессиональный) интервьюер, ?любопытный, ?почемучка...*

В случае симметричной концептуализации заполняются все звенья цепочки. Из приведенных примеров видно, что заполнение звеньев цепочки лексикой может быть неполным и неравномерным, возможны «белые пятна», тоже разные для разных цепочек, возможно, наоборот, детализированное и многословное заполнение какого-то отдельного звена цепочки.

При реконструкции K_{omK} на первый план может выходить **речежанровая типизация, действие** (коммуникативные и речевые акты), **процессуальность** (коммуникативные и речевые события и сложные события), **манера поведения, роль** в рамках данного типа коммуникации (например соревновательной или игровой) или сам социальный тип (точнее, его коммуникативное преломление – **лингвокультурный типаж**).

Соответственно в области имен данных K_{omK} на первый план может выходить (как производящая основа при последующей словообразовательной деривации) **имя типажа** (естественно, это существительное), **речевого действия**: однократного (речевого акт) и длительного (и тогда это глаголы, соответственно, сов. и несов. вида), **имя процесса** (существительное), **тональности** (наречие) или же непосредственно **имя жанра** (в этой функции тоже более вероятны существительные, чем глаголы, которые чаще именуют речевые акты).

Представляют большой интерес случаи, когда лексемы – имена для единиц, составляющих K_{omK} , а) относятся к разным частям речи и лексико-семантическим (лексико-грамматическим) классам; б) представляют собой оценочные, экспрессивные, образные, нелитературные слова, в) метафоры, з) неологизмы, в том числе: д) созданные по существующим / традиционным словообразовательным моделям; е) заимствования.

В этом отношении очень большую значимость представляют оценки (особенно отрицательные), отражающие несоответствие жанра базовым культурным ценностям или несоответствие конкретного жанрового воплощения ценностям (положительным), изначально ему присущим: с одной стороны – экспрессивность коммуникативного поведения (**возмущенно**), с другой – оценка, даваемая коммуникантам или одному из них (и жанру в целом) наблюдателем (**неискренне фальшиво злорадно гнусно...**).

Данная жанрово релевантная оценочность фиксируется в языке на лексическом уровне, при этом выделяются **оценочные лексемы**:

- 1) названия жанров (существительные) = оценка самого жанра (прежде всего «извне») (*донос, лесть, похвальба*);
- 2) глаголы – названия действий / РА (то же самое, но оценка несколько менее акцентирована (*кичиться клеветать подстрекать*));
- 3) оценочные характеристики жанра (или действия / акта в составе жанра – внутрижанровой стратегии и подоб.) – прилагательные, наречия: оценивается манера исполнения жанра, при этом:
 - а) общая оценка РЖ сохраняется и усиливается (жанр исполняется правильно): *задушевный, искренний, мудрый разговор по душам, высокохудожественный роман...*;
 - б) противоречит или противоположна общей оценке РЖ (жанр исполняется неправильно): *фальшивый разговор по душам, графоманский роман.*

3. В предлагаемый Т. В. Шмелёвой пункт АШ «языковое воплощение жанра» мы не предлагаем вносить принципиальных изменений: это безусловно важнейший пункт, особенно для исследователя-лингвиста, – хотя еще раз подчеркиваем важность учета при рассмотрении языкового воплощения жанра (например лексик) указанных типологических характеристик: исторических (историко-этимологических), структурно-иерархических (например, ЛСГ, именем которой является также имя жанра, а членами – его структурные единицы – субжанры и подоб.), особенно же – лингвокультурных (зафиксированное в оценочной лексике, фразеологии и т. п. соответствие или несоответствие культурным сценариям, системам ценностей) [16].

Иными словами, языковые единицы должны рассматриваться не только сами по себе, но и через типологии, значимые речевые жанры, например, лексемы, именуемые жанры, – через цепочки речевых системности (имя жанра, типажа, речевого действия, процесса, тональности); оценочные лексемы – в связи с культурными речевыми ценностями / оценочными шкалами; метафоры – в связи с образным компонентом соответствующего коммуникативного концепта; полезен также учет ассоциативного потенциала слов, представление в текстовых корпусах, отображение в жанрово-ролевых сценках и подоб.

Таким образом, многие характеристики РЖ обуславливаются местом РЖ в различных классификациях, и, если есть пересечения, при жанроведческом анализе необходимо включать их в характеристики жанра.

В этом отношении важно учитывать, что в жанроведении разработано уже немало разнообразных классификаций РЖ, дающих такие возможности; конечно, все они заслуживают рассмотрения с этой точки зрения.

Так, существенно обогатил классификационное жанроведение К. Ф. Седов, разработавший целый ряд классификаций, соответственно – классификационных характеристик РЖ: а) через иерархии «гипержанр-жанр-субжанр (внутрижанровая стратегия)» [17], б) нарративные стратегии (субъектно-аналитическая и т. п.) [18], в) (если жанр художественный) через раскрытие соответствующих прагматических слоев: концептуального, фактологического, психологического [19].

Безусловно заслуживает упоминания отношение Седова к обсуждаемой здесь АШ: коротко говоря, он видел в ней и положительные, и отрицательные моменты. Так, Седов считал существенным недостатком АШ неспособность учитывать психологические и персонологические характеристики, например, возможность корреляции между противопоставлением светской беседы / болтовни дружескому общению / разговору по душам и противопоставлением соответствующих (двух) типов языковых личностей [20]; с противопоставлением (трех) типов языковых личностей коррелируют варианты жанра комплимента [21].

4. В качестве самостоятельного параметра должна быть названа способность жанра образовывать варианты, отсюда – культурологическая, персонологическая, психологическая и т. д. значимость вариантов в отношении друг к другу. Ср. *речевую вариантологию*, разрабатываемую представителями Барнаульской школы изучения жанров ЕПР [5].

5. Методологически важная современная (когда Т. В. Шмелёва разрабатывала свою анкету, данной характеристики не существовало) характеристика, которая тоже сейчас должна быть включена в описание жанра в числе важнейших, – его **корпусные характеристики**, представленность в корпусах и пользовательских подкорпусах ключевых фраз данного жанра и количества вхождений [14].

Методологически, во-первых, ключевая фраза должна отвечать семантике (точнее – главной семантике) жанра (поэтому, например, *светский* для СБ не годится, а *по душам* для РпД годится); во-вторых, в системе (например, для русских жанров – НКРЯ) по этому критерию можно реально искать и находить большое количество примеров (так, для жанра *просьбы* в качестве ключевых фраз для идентификации жанра, вероятно, могут быть выделены две формулы: «*Не могли бы вы...?*» и «*Можно вас попросить?*», но при этом первая дает 306 вхождений в НКРЯ, а вторая – всего 10).

В случае успешного решения поставленных задач мы получим существенную характеристику жанра, которая присутствует в речевом жанре компетенции носителя языка и должна быть включена в соответствующие жанроведческие описания. С точки зрения данного описания наличие той или иной ключевой фразы / фраз представляет собой дополнительный параметр к моделям РЖ типа АШ.

Например, для РЖ *просьба* (таблица).

Корпусные (НКРЯ) типологические характеристики РЖ (на примере РЖ *просьба*)

Corpus (Russian National Corpus) typological characteristics of speech genre
(on the example of the *request* speech genre)

Жанр	Наличие ключевой лексики	Ключевая фраза / ключевые фразы (для идентификации жанра)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)	Ключевые фразы (для исследования контекста)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)
Просьба	<i>Прошу</i>	<i>Не могли бы вы</i>	306	<i>Буду очень благодарен</i>	32
	<i>Пожалуйста</i>				
	<i>Будьте добры</i>	<i>Можно вас попросить</i>	10	<i>Для меня это очень важно</i>	15

6. Безусловно, очень значительная модификация АШ требуется при исследовании **интернет-жанров**.

В целом на сегодняшний день это одна из сфер жанроведения, где АШ мало востребована и, к сожалению, не может похвалиться большим количеством удач – притом, что компонентный анализ как таковой здесь востребован в очень большой степени.

В сущности, почти все наиболее значительные модели описания интернет-жанров представляют собой разновидности компонентного анализа, причем количество компонентов / параметров модели иногда очень велико: доходит до 40–50 и более [22–26].

Это несколько парадоксальное положение дел, когда методика компонентного анализа востребована, а АШ, представляющая собой наиболее значительное и наиболее удачное перенесение методики компонентного анализа в жанроведение, – не востребована, требует осмысления.

Отчасти это связано с тем, что, как уже говорилось, в то время, когда разрабатывалась АШ, интернет-жанров не существовало и вряд ли кто-то из жанроведов мог предвидеть их появление; отчасти – иными активизировавшимися с тех пор тенденциями при изучении интернет-жанров (и интернет-лингвистики в целом): параметрические модели здесь господствуют, но на первый план выходят технические характеристики средств связи (которые не учитывались да и не существовали раньше).

С другой стороны, актуально изучение интернет-жанров в сравнении с неинтернет-жанрами, отсюда – отношения генетической производности, что вновь заставляет вспомнить концепцию вторичных жанров Бахтина, которая, как уже было сказано, не учитывается в АШ.

*

Нужны ли вообще новый взгляд на АШ и ее переосмысление?

Прежде всего, мы исходим из того, что сама идея этой или подобной анкеты – параметрической модели компонентного типа – безусловно нужна и будет использоваться в будущих исследованиях РЖ.

Попытки нового осмысления и переосмысления АШ ни в коей мере не означают ее несостоятельности. Как уже было сказано, такие попытки предпринимались уже в первые годы после появления анкеты и, несомненно, будут продолжены. Как известно, это всегда говорит о здоровом состоянии науки в целом и отдельных научных концепций в частности. Добавим, что любое живое речеванное пространство является подвижным: все время появляются новые РЖ и их типы и новые сферы жанрово релевантной коммуникации. Это делает перманентно актуальным и использование АШ, и переосмысление или добавление некоторых отдельных параметров.

В настоящей статье акцент делался именно на тех пунктах, которые меньше были прописаны в «канонической» АШ; но которые, по нашему мнению, и должны быть использованы для более адекватного исследования жанров (особенно новых), и уже реально используются: историко-этимологических, типологических, культурологических, квантитативных, корпусных и т. п.

У АШ безусловно есть будущее. Конкретные контуры будущего улавливаются трудно, но можно говорить с уверенностью: «анкета» будет; ее модификации будут. В целом использование при анализе РЖ параметрической анкеты, подобной АШ ориентированность на практические результаты – «портреты РЖ», «энциклопедию РЖ» – остаются актуальными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмелёва Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // *Russistik. Русистика*. Berlin. 1990. № 2. С. 24–41.
2. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра // *Жанры речи* : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
3. Лебедева Н. Б. Жанры естественной письменной речи // *Антология речевых жанров : повседневная коммуникация*. М. : Лабиринт, 2007. С. 116–123.
4. Лебедева Н. Б., Зырянова Е. Г., Плаксина Н. Ю., Тюкаева Н. И. Жанры естественной письменной речи : Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М. : URSS, 2011. 256 с.
5. Рабенко Т. Г. Жанры естественной письменной русской речи в вариантологическом аспекте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2018. 50 с.
6. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // *Вопросы языкознания*. 1997. № 5. С. 102–120.
7. Сиротинина О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // *Жанры речи* : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 26–31.
8. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М. : Гнозис, 1992. 272 с.
9. Дементьев В. В. Послание потомкам в капсуле времени как жанр советской словесности // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 1. С. 132–149.
10. Дементьев В. В. Рубрика «Послания» в газете бесплатных объявлений 1990-х гг. : к вопросу о предшественниках и истоках интернет-коммуникации // *Русская речь*. 2019. № 2. С. 69–93.
11. Норман Б. Ю. Поэтика наивной любви (на материале кустарных фотооткрыток СССР 1950-х годов) // *Жанры речи*. 2020. № 1 (25). С. 44–52. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-44-52>
12. Дементьев В. В. Речевые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2016. 396 с.
13. Дементьев В. В. Жанры в меняющемся мире : креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров // *Жанры речи*. 2019. № 1 (21). С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>
14. Дементьев В. В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // *Жанры речи*. 2020. № 3 (27). С. 172–194. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>
15. Ермакова О. П. Является ли ирония речевым жанром? (еще раз о некоторых особенностях иронии) // *Жанры речи*. 2014. № 1–2 (9–10). С. 74–80.
16. Балашова Л. В. Речевые жанры в русской идиоматике (семантический и концептуальный аспекты) // *Жанры речи*. 2017. № 1(15). С. 6–29. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-6-29>
17. Седов К. Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения : «ссора», «комплимент», «колкость» // *Жанры речи* : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 188–195.
18. Седов К. Ф. Коммуникативные стратегии дискурсивного поведения и становление языковой личности // *Языковая личность : социолингвистические и эмотивные аспекты*. Волгоград ; Саратов : Перемена, 1998. С. 9–20.
19. Седов К. Ф. Прагма-семиотический подход к изучению стиля художественной прозы // *Принципы изучения художественного текста*. Ч. 1. Саратов : Сарат. пед. ин-т, 1992. С. 49–51.
20. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве современной коммуникации // *Антология речевых жанров : повседневная коммуникация*. М. : Лабиринт, 2007. С. 7–38.
21. Седов К. Ф. Комплимент – речевой жанр суггестивного дискурса // *Жанры речи* : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2011. Вып. 7. Жанр и языковая личность. С. 225–235.
22. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // *Language@Internet*, 2007. № 4. Article 1. Retrieved April 26, 2009. URL: <http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761> (дата обращения: 20.02.2020).
23. Горошко Е. И. Теоретический анализ интернет-жанров : к описанию проблемной области // *Жанры речи* : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 370–389.
24. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. К построению типологии жанров социальных медий // *Жанры речи*. 2015. № 2(12). С. 119–127.
25. Галичкина Е. Н. Компьютерная коммуникация : лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Астрахань, 2012. 40 с.
26. Лутовинова О. В. Языковая личность в виртуальном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2013. 41 с.

REFERENCES

1. Shmeleva T. V. Speech genre. Features description and use in the teaching of the language. *Russistik*. Berlin, 1990, no. 2, pp. 24–41 (in Russian).
2. Shmeleva T. V. Model rechevogo zhanra [Model of speech genre]. *Zhanry rechi* : sb. nauch. st. [Speech Genres : coll. of sci. arts.]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).
3. Lebedeva N. B. Zhanry yestestvennoy pis'mennoy rechi [Genres of natural writing]. *Antologiya rechevykh zhanrov : povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres : everyday communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007, pp. 116–123 (in Russian).
4. Lebedeva N. B., Zyryanova Ye. G., Plaksina N. Yu., Tyukayeva N. I. *Zhanry yestestvennoy pis'mennoy rechi : Studencheskoye graffiti, marginal'nyye stranitsy tetradey, chastnaya zapiska* [Genres of natural writing : Student graffiti, marginal pages of notebooks, private note]. Moscow, URSS Publ., 2011. 256 p. (in Russian).
5. Rabenko T. G. *Zhanry yestestvennoy pis'mennoy russkoy rechi v variantologicheskom aspekte* [Genres of natural written Russian language in the variantological aspect : Doct. philol. sci. thesis diss.]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Kemerovo, 2018. 356 p. (in Russian).
6. Fedosyuk M. Yu. Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov [Unsolved problems in the theory of speech genres]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 1997, no. 5, pp. 102–120 (in Russian).
7. Sirotinina O. B. Nekotoryye razmysleniya po povodu terminov "rechevoy zhanr" i "ritoricheskiy zhanr" [Some reflections on the terms "speech genre" and "rhetorical genre"]. *Zhanry rechi* : sb. nauch. st. [Speech Genres :

coll. of sci. arts.]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1999, iss. 2, pp. 26–31 (in Russian).

8. Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow, Gnosis Publ., 1992. 272 p. (in Russian).

9. Demytyev V. V. Time Capsule Messages to Future Generations as a Genre of Soviet Public Texts. *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no. 1, pp. 132–149 (in Russian).

10. Demytyev V. V. «Messages» Column in the Free Ads Newspaper of the 1990s: On the Question of the Precursors and Origins of Internet Communication. *Russian Speech*, 2019, no. 2, pp. 69–93 (in Russian).

11. Norman B. Ju. Poetics of Naive Love (Based on Soviet Handicraft Photo Postcards of the 1950s). *Speech Genres*, 2020, no. 1 (25), pp. 44–52 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-44-52>

12. Demytyev V. V. *Rechezhanrovyye kommunikativnyye tsennosti v novykh i noveyshikh sferakh russkoy rechi* [Speech genre communicative values in the new and newest spheres of Russian speech]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2016. 396 p. (in Russian).

13. Demytyev V. V. Genres in Changing World: Creationistic Potentials of Speech Genres and Epistemological Potentials of the Theory of Speech Genres. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 6–21 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>

14. Demytyev V. V. What Have Genre Studies Given to Modern Linguistics? *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 172–194 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>

15. Ermakova O. P. Is irony a speech genre? (Once again, about some features of irony) *Speech Genres*, 2014, no. 1–2 (9–10), pp. 74–80 (in Russian).

16. Balashova L. V. Speech Genres in Russian Idiomatics (Semantic and Conceptual Aspects). *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 6–29 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-6-29>

17. Sedov K. F. Vnutrizhanrovyye strategii rechevogo povedeniya: «ssora», «kompliment», «kolkost'» [Intra-genre strategies of speech behavior: “quarrel”, “compliment”, “taunting”]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. arts.]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 188–195 (in Russian).

18. Sedov K. F. Kommunikativnyye strategii diskursivnogo povedeniya i stanovleniye yazykovoy lichnosti [Communicative strategies of discursive behavior and the

formation of a linguistic personality]. *Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskiye i emotivnyye aspekty* [Language personality: sociolinguistic and emotive aspects]. Volgograd, Saratov, Peremena Publ., 1998, pp. 9–20 (in Russian).

19. Sedov K. F. Pragma-semioticheskiy podkhod k izucheniyu stilya khudozhestvennoy prozy [Pragm-semiotic approach to the study of the style of fictional prose]. *Printsipy izucheniya khudozhestvennogo teksta* [Principles of the study of fictional text]. Saratov: Sarat. ped. in-t, 1992, part 1, pp. 49–51 (in Russian).

20. Sedov K. F. Chelovek v zhanrovom prostranstve sovremennoy kommunikatsii [Man in the genres of modern communication space]. *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres: daily communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007, pp. 7–38 (in Russian).

21. Sedov K. F. Kompliment – rechevoy zhanr suggestivnogo diskursa [Compliment is a speech genre of suggestive discourse]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. arts.]. Saratov, ITs “Nauka”, 2011, iss. 7, pp. 225–235 (in Russian).

22. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse. *Language@Internet*, 2007, no. 4, article 1. Retrieved April 26, 2009. Available at: <http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761> (accessed 20 February 2020).

23. Goroshko E. I. Teoreticheskij analiz Internet-zhanrov: k opisaniju problemnoj oblasti [A theoretical analysis of Internet genres: to the description of the problem area]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. arts.]. Saratov, ITs “Nauka”, 2007, iss. 5, pp. 370–389 (in Russian).

24. Goroshko E. I., Polyakova T. L. To the construction of a typology of social media genres. *Speech Genres*, 2015, no. 2(12), pp. 119–127 (in Russian).

25. Galichkina E. N. *Komp'yuternaya kommunikatsiya: lingvisticheskiy status, znakovye sredstva, zhanrovoe prostranstvo* [Computer Communication: linguistic status, symbolic devices, genre space]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Astrakhan', 2012. 540 p. (in Russian).

26. Lutovinova O. V. *Yazykovaya lichnost' v virtual'nom diskurse* [Language identity in virtual discourse]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Volgograd, 2013. 40 p. (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Деметьев В. В. «Анкета речевого жанра» Т. В. Шмелевой: прошлое, настоящее, будущее (к 30-летию жанроведческой модели) // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 252–262. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>

For citation

Demytyev V. V. “Questionnaire of a Speech Genre” of T. V. Shmeleva: Past, Present, Future (for the 30th Anniversary of the Genre Model). *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 252–262 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-252-262>

Поступила в редакцию: 30.04.2020 / Принята: 12.06.2020 / Опубликовано: 30.11.2020

Received: 30 April 2020 / Accepted: 12 June 2020 / Published: 30 November 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)